

Этические воззрения М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна: язык, мир и нормы социального бытия

Ethical ideas of M. Heidegger and L. Wittgenstein: language, world and norms of social being

Талалаева Е.Ю.

ассистент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
e-mail: kater-.ina@mail.ru

Talalaeva E.Yu.

Assistant Lecturer, Philosophy and Methodology of Science Department, Derzhavin Tambov State University
e-mail: kater-.ina@mail.ru

Аннотация

В работе осуществлен анализ этических представлений Мартина Хайдеггера и Людвиг Витгенштейна в контексте их философских воззрений на взаимосвязь языка, мира и социального бытия человека. Несмотря на фактическое уклонение этих философов от прямых рассуждений об этике, сохраняющееся на протяжении всей их интеллектуальной деятельности, данная проблематика являлась краеугольным вопросом их философствования. Особое внимание в исследовании уделено раскрытию подходов в рассуждениях обоих мыслителей к выявлению этической составляющей жизни и формированию целостной картины философских установок данных мыслителей по отношению к этике как особой сферы философии. Автором установлены основные этические импликации, в контексте которых были сконструированы ключевые положения философских подходов Хайдеггера и Витгенштейна на раннем этапе их творческой деятельности.

Ключевые слова: Хайдеггер, Витгенштейн, этика, язык, молчание, мир, бытие.

Abstract

The paper analyses ethical ideas of Martin Heidegger and Ludwig Wittgenstein in the context of their views on the connection between language, world and social being. Despite the refusal of these philosophers from direct reasoning about ethics throughout their intellectual activity, this problematic was the cornerstone of their philosophizing. The author pays special attention to disclosure of ethical component of life in Heidegger and Wittgenstein's philosophical attitudes as well as to clarify their relationship to ethics as a special sphere of philosophy. The research reveals the main ethical implications of the formation of key positions of the philosophical approaches of Heidegger and Wittgenstein at the early stage of their creative activity.

Keywords: Heidegger, Wittgenstein, ethics, language, silence, world, being.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ»

Выдающиеся философы XX столетия Мартин Хайдеггер и Людвиг Витгенштейн оказали существенное влияние на становление и дальнейшее развитие современной философии. Особого внимания заслуживают их фундаментальные философские труды: *Бытие и время* (1927) и *Логико-философский трактат* (1921), наиболее полно отразившие ранние воззрения обо-

их мыслителей. Несмотря на сравнительно слабое освещение в этих работах проблематики социальной сферы и её этической составляющей, размышления об этике и её роли в жизни человека пронизывают ранние рассуждения Хайдеггера и Витгенштейна, находя своё отражение в их рукописях, беседах и публичных выступлениях.

В частности, исследователи хайдеггеровского философского наследия указывают на то, что он одним из первых современных мыслителей выдвинул тезис, согласно которому человеческая жизнь носит по существу социальный характер [13, р. 233], а этические импликации прослеживаются в опубликованных произведениях Хайдеггера и его лекционных курсах [5, с. 177]. На формирование мировоззрения немецкого мыслителя значительное влияние оказали философские взгляды С. Кьеркегора и В. Дильтея, существенное внимание уделявшие рассуждениям о значимости социального мира [9, р. 143]. Следует отметить, что представления этих философов о социальном устройстве бытия человека значительно отличались. В то время как Дильтей своим философствованием подчёркивал позитивную функцию различных социальных феноменов, которые он называл «объективизацией жизни», Кьеркегор сфокусировался на негативных проявлениях конформизма и банальности того, что он называл «общественностью». Хайдеггер, в свою очередь, переосмыслил эти идеи и впоследствии трансформировал их в собственные философские представления о социальном мире и моральных нормах внутри него. Что же касается многочисленных этических теорий, предшествующих философствованию Хайдеггера, то они были подвергнуты немецким философом решительной критике, так как, по его мнению, не принимали во внимание специфику и сложность принятия нравственных решений в реальной жизни. Согласно философии Хайдеггера, этические основания совместного существования людей в мире носят онтологический характер, а этические нормы регулируются средствами языка в процессе коммуникации.

Ещё до опубликования *Бытия и времени* в лекциях [7], прочитанных в 1925 г. за кафедрой Марбургского университета, Хайдеггер обращал основное внимание на жизнь, или говоря иначе, существование человека с позиции *социальности* отдельной человеческой жизни. *Первый* раздел *Бытия и времени* начинается с утверждения, что сущее «это всегда мы сами. Бытие этого сущего *всегда мое*» [6, с. 41]. Впоследствии, раскрывая эту мысль, в *Четвёртой* главе Хайдеггер пишет, что *Dasein* – это «сущее, которое есть всегда я сам» [6, с. 114]. Хотя подобное определение способно обозначить лишь *онтологическое* понимание бытия человека, в то же время оно указывает и на его *онтическое* значение: «всякий раз одно Я есть это сущее, а не другие» [6, с. 114]. Таким образом, сущность каждого человека заключается в его существовании, фундаментальная структура которого лежит в *бытии-в-мире*. По сути, человеческое существование и является *бытием-в-мире*. Однако, это положение в равной степени применимо и к *бытию-с* (*Mitsein*) – совместному социальному бытию с *другими* людьми.

Человек не может существовать независимо от окружающих его людей. Однако, по утверждению Хайдеггера, такое со-существование (*Mitsein*) не то же самое, что просто физическое взаимодействие. Условно говоря, два *Dasein*'а могут со-существовать, даже если они физически не взаимодействуют друг с другом [13, р. 234]. К примеру, если человек находится в одиночестве, это не означает, что он пребывает в асоциальных условиях. Скорее такую ситуацию можно рассматривать как особый способ со-существования с другими. Хайдеггер вовсе не отрицал, что «Я» иногда может быть изолированным от *других*. Но он утверждает, что подобное изолированное сокрытие является исключительным случаем. К примеру, бытие отшельника включает в себя экзистенциальную *заботу* о других людях, так как это во многом мотивировано моральными принципами по отношению к *другим* [12, р. 40]. Прибегая к терминологии Хайдеггера, фактическое со-существование с другими можно назвать *падением* человека в социальный мир. Следует отметить, что данное понятие не отображает какой-либо негативной нравственной оценки. *Падение* человека в социальный мир не следует рассматривать как положение из сферы психологии, означающее некую причинную взаимосвязь или метафизическое положение о взаимозависимости субстанций. Сам Хайдеггер пишет: «Упадешь в “мир” подразумевает растворение в бытии-друг-с-другом» [6, с. 175]. Это феноменологическое положение можно рассматривать как способ, в котором

«Я» раскрывает «себя» [8, р. 39]. И такое раскрытие происходит именно в общеразделяемом социальном мире, поскольку «никогда не дано голого субъекта без мира. И также в итоге не дано сначала изолированное Я без других» [6, с. 116]. Но для того, чтобы понять, как бытие человека раскрывает себя в мире, необходимо разъяснить значение хайдеггеровского понятия «другие».

Бытие-в-мире изначально подразумевает под собой совместное бытие. Как утверждает Хайдеггер: «На основе этого *совместного* бытия-в-мире мир есть всегда уже тот, который я делю с другими» [6, с. 118]. Совместное бытие построено на принципе, согласно которому *другие* и то, что они делают, как правило, всегда доступно для понимания отдельного человека, потому что с ними он делит мир. На языке Хайдеггера это можно обозначить как *Dasein-с* (со-присутствие). Выстраивание подобной картины мира обуславливает необходимость анализа как самого понятия *другие*, так и этических основ совместного существования. Для прояснения первой части поставленной проблемы Хайдеггер вводит термин «*das Man*», который представляет собой фактически непере译имый неологизм. На других языках возможны его разнообразные интерпретации, каждая из которых накладывает на него свой оттенок смысла. Так, *das Man* на русский язык может переводиться как «*некто*» [7, с. 257] или «*люди*». В Четвёртой главе *Бытия и времени* Хайдеггер пишет, что: «Прихоть других распоряжается повседневными бытийными возможностями присутствия. Эти другие притом не *определенные* другие. <...> “Другие”, которых называют так, чтобы скрыть свою сущностную принадлежность к ним, суть те, кто в повседневном бытии с другими ближайшее и чаще всего “присутствуют”. Их *кто* не этот и не тот, не сам человек и не некоторые и не сумма всех. “Кто” тут неизвестного рода, *люди*» [6, с. 126]. Из этого суждения Хайдеггера можно сделать вывод, что *другие* (*люди*), о которых пишет немецкий философ, имеют непосредственное отношение к ближайшему повседневному бытию человека, к его *падению* в социальный мир. На иностранных языках предоставляется возможность обнаружить, вероятно, более адекватные, с точки зрения лингвистики, эквиваленты *das Man*. К примеру, на английском языке это «*the Anyone*» [12, р. 69] или «*the one*» [9, р. 143], однако, на русском языке концепт «*другие*» более точно отражает вкладываемый в это понятие смысл.

Такие *другие* это не какое-то определённое сообщество, основывающееся на взаимных обязательствах его членов, это скорее *они* – «*the they*» [11, р. 164], люди. Их общеразделяемый социальный горизонт, *совместный-мир* (*Mitwelt*), создан не какой-то конкретной группой или суммой индивидов на фиксированном историческом этапе развития общества, но скорее самой социальной структурой, включающей в себя определённые социальные роли и этические нормы. Такую социально-этическую структуру Хайдеггер называет «*значимостью*» (§§ 18; 27 *Бытия и времени*). Он ставит перед собой задачу установить, каким образом *значимость* регулируется социальными нормами, которыми человек руководствуется в совместном мире. Хайдеггер пишет:

«Мы наслаждаемся и веселимся, как *люди* веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как *люди* смотрят и судят; но мы и отшатываемся от «толпы», как *люди* отшатываются; мы находим «возмутительным», что *люди* находят возмутительным. *Люди*, которые не суть что определённое и которые суть все, хотя и не как сумма, предписывают повседневности способ быть» [6, с. 126-127].

Все эти примеры, приведённые выше, подчиняются определённым социальным нормам. Так, существуют определённые правила вождения автомобиля или способ пить кофе. *Ближайшим образом* и по большей части, человек осуществляет свои действия тем способом, каким его делают *люди*. «*Ближайшим образом* фактическое присутствие существует в усреднённом открытом общем мире. *Ближайшим образом* не “я” в смысле своей самости “есть”, но другие по способу *людей*» [6, с. 129]. Человек пьёт кофе так, как его пьют *люди*, хотя, разумеется, их присутствие в этом процессе носит совершенно ненавязчивый характер. Но если человек пьёт кофе ненормальным образом (например, он в это время лежит на полу кофейни), он «навязывается», т.е. выделяется на фоне остальных людей и, следовательно, он делает то, что требует особой интерпретации.

Подобные *социальные* нормы согласуются с этическими нормами нравственности в том, что они предстают в качестве набора определённых «ожиданий» как человеку надлежит вести себя в социуме. Такие сходства в поведении представляют *нормальность* человеческой жизни, которую Хайдеггер именуется «срединностью» [6, с. 43]. Хайдеггер описывает *срединность* как «обыденную индифферентность» повседневного опыта *Dasein'a* или как «позитивную феноменальную черту сущего», т.е. *срединность* представляет собой основное условие, которое не только характерно для человеческой жизни, но и является гарантом того, что отдельные аспекты человеческой жизни имеют смысл.

Таким образом, умалчивая об этике как таковой, Хайдеггер рассуждает о социальном мире, среда которого является единственно пригодной для бытийствования человека, а регулирующие такой мир нормы в своей основе располагают существенной этической составляющей. Но не только Хайдеггер избегал напрямую говорить об этике в своих рукописях и публичных выступлениях. Другой выдающийся философ и современник Хайдеггера – Людвиг Витгенштейн постулировал отказ от рассуждений об этике, так как этические проблемы невозможно выразить средствами языка. Профессор Венского университета П. Кампиц утверждает, что: «Примат бытия как инстанции, к которой постоянно обращается Хайдеггер, можно сопоставить с попыткой Витгенштейна вынести все вопросы этики за пределы мира» [4, с. 54]. Уделяя основное внимание в своих исследованиях рассуждениям о смысле бытия, но умалчивая при этом об этических основаниях совместно разделяемого *бытийствования* в мире, Хайдеггер приближается к позиции Витгенштейна, стремящегося «понять мир как совокупность фактов и отличить его от того, что лежит за его пределами, чтобы привести к молчанию в этике» [4, с. 55]. Для того чтобы прояснить отношение Витгенштейна к этической проблематике, необходимо предварительно рассмотреть его представления о мире как таковом и его соотношении с языком.

Согласно Витгенштейну, для того, чтобы предложение языка обладало смыслом, оно должно служить моделью какой-либо возможной ситуации. Если мы не можем сопоставить высказывание о *мистическом* феномене с определённой ситуацией в мире, то и не сможем выявить, является ли это высказывание истинным или ложным; следовательно, в таком случае нам остается лишь определить его бессмысленность. Очевидно, что ведя подобные размышления о бессмысленности высказываний своих коллег-философов, Витгенштейн был готов к тому, что ему самому могут выдвинуть подобный приговор. Ведь, согласно изложенной им идее, само название его раннего труда – «Логико-философский трактат», попадало в категорию философских рассуждений, находящихся в опасной близости от бессмыслицы. Но, предупредив подобные обвинения, Витгенштейн заявляет: «Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью – по ним – над ними, в конечном счете признает, что они бессмысленны. <...> Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир» [2, с. 53]. В знаменитом письме своему другу и издателю Л. фон Фикеру Витгенштейн признал, что наиболее значимая из двух частей его раннего труда была той, которую он не отобразил в рукописи, сохранив о ней молчание: «... смысл книги – этический. Моя книга состоит из двух частей: из той, которая написана, и той, которую я не написал. Важна именно эта вторая часть. Речь идет о том, чтобы очертить сферу этического изнутри, и я убежден, что ее можно строго очертить только так. Короче, я верю: все то, о чем сегодня болтают, я установил в своей книге тем, что об этом молчал» [10, р. 143]. Таким образом, Витгенштейн не претендует на объяснение того или иного феномена, которое подразумевало бы его однозначную интерпретацию. *Трактат* был создан с той целью, чтобы помочь прояснить для человека составляющие мир факты.

Очевидно, что метафизические сущности наравне с фактами неким образом присутствуют в жизни человека, но, по мнению Витгенштейна, они находятся за пределами досягаемости языка и, как следствие, вне границ фактуального мира. В *Дневниках* Витгенштейн пишет: «Верить в Бога – значит понимать, что факты мира – это не все» [1, с. 217]. Кампиц особо отмечал, что: «Именно стремление к благой жизни и высшей степени характеризует – по Витгенштейну – проблематику этики» [4, с. 53]. Следовательно, все то, что выходит за рамки

фактов, не может быть ясно выражено словами. Витгенштейн редко рассуждает об этом напрямую, тем не менее, в его работах встречаются замечания касательно метафизических сущностей. Так, к примеру, в *Дневниках* Витгенштейн пишет, что «“я” является глубоко мистическим» [8, р. 80], и позже – в тексте *Трактата*, он приводит эту мысль к выводу, что в действительности существует невыразимое: «Оно *показывает* себя, это – мистическое» [2, с. 50]. В то же время «невыразимые» сущности находятся в определенной связи между собой и миром фактов. Например, этика входит в мир через «я» или субъект. В *Трактате* Витгенштейн представляет вопросы, касающиеся сферы *мистического*, лишь в последних афоризмах. Тем не менее, при внимательном изучении его *Дневников* становится несомненным, что традиционные философские проблемы добра и зла, существования Бога и т.д. могут «рассматриваться как то, что образовывало, если и не фон всех размышлений Витгенштейна, то, как минимум, равноправную часть его ранней философии» [3, с. 280].

Из вышесказанного следует, что не стоит воспринимать витгенштейновские положения в *Трактате* о *мистическом* односложно – исключительно как попытку очертить границу языка и, как следствие, границу, за пределами которой все не имеет смысла. Из этого бы следовало, что любая попытка преодолеть границы языка, выразить словами невысказываемое, неумолимо приводила бы к возникновению изначально лишенных смысла рассуждений. К примеру, можно проанализировать такое высказывание Витгенштейна, как: «Бог не обнаруживается в мире» [2, с. 71]. По своей сути оно исключает возможность осмысленного выражения языковыми средствами какой-либо трансцендентной сущности или объекта, рассуждений о любой реальности, лежащей вне границ мира. Тем не менее, это вовсе не означает отрицание Витгенштейном существования подобной мистической, высшей божественной или религиозной реальности. Более того, Витгенштейн указывает, что: «Переживание мира как ограниченного целого – вот что такое мистическое» [2, с. 72]. *Мистическое*, согласно трактатовской концепции языка, невыразимо, следовательно, невыразим и сам факт существования мира. Смысл мира как единого целого невыразим средствами языка, которые мы могли бы назвать осмысленными выражениями, он лежит вне его границ и пребывает в сфере *мистического*. «Смысл мира должен находиться вне мира. В мире все есть, и все происходит как оно происходит; в нем нет ценности – а если бы она и была, то не имела бы ценности» [2, с. 70]. *Мистическое* в этом плане являет собой смысл жизни.

Однако в большинстве случаев довольно сложно проследить, как сам автор приходил к тем или иным выводам, скорее эту задачу по установлению связей между своими высказываниями он адресовал своим последователям. Только после публикации материалов *Дневников* стало возможным прояснить контекст составления афоризмов *Трактата*, в которых находятся упоминания о метафизических понятиях, в частности об этике. Например, выражая свою позицию в отношении этики, Витгенштейн указывает на то, что она трансцендентальна и не поддается высказыванию [2, с. 70]. А в последующем пункте *Трактата* Витгенштейн рассуждает о вознаграждении или наказании в отношении соблюдения или нарушения этического закона, указывая, что «этика не имеет ничего общего с вознаграждением или наказанием в обычном смысле» [2, с. 70-71]. В *Дневниках* же он более развернуто освещает данный аспект [1, с. 133], находящийся в тесной взаимосвязи с его рассуждениями о добре и зле, Боге и прочими мистическими сущностями. Таким образом, этическая проблематика находилась в центре философских рассуждений Витгенштейна, а критика языка и проблема преодоления его границ напрямую соотносилась с этическим совершенствованием.

Философские воззрения Хайдеггера и Витгенштейна на этическую проблематику ставят исследователей их интеллектуального наследия перед сложной задачей: исходя из их отношения к постановке вопроса о бытии или отношения к тому, что следует отставить за границей языка и мира, невозможно установить, какое место занимает этика в жизни человека и его конкретных действиях в мире. Тем не менее, освещенные выше положения философствования обоих мыслителей представляют собой существенные мотивы к обособлению этики в качестве особой сферы в их философской мысли. Тогда как в философии Хайдеггера формируются онтологические предпосылки к этике, позволяющие в ином свете увидеть со-

циальные действия человека, представления Витгенштейна о соотношении мира и языка открывают принципиально новый подход к практической философии.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Дневники 1914-1916 / Л. Витгенштейн / Под об. ред. В.А. Суровцева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», – 2015. – 415 с.
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские исследования. Часть I. / Л. Витгенштейн / Пер. с нем. – М.: Гнозис, 1994. – С. 1–74.
3. *Витгенштейн Л.* Тайные дневники 1914 – 1916 гг. / Л. Витгенштейн / Предисловие и перевод В.А. Суровцева и И.А Эннс // Логос. – 2004. – № 3-4 (43). – С. 279–322.
4. *Кампиц П.* Хайдеггер и Витгенштейн: критика метафизики – критика техники – этика / П. Кампиц // Вопросы философии. – 1998. – № 5. – С. 49–55.
5. *Фалёв Е.В.* Онтологическое измерение этики в герменевтике М. Хайдеггера / Е.В. Фалёв // Грамота. – 2014. – № 10 (48). – Ч. 1. – С. 176–180.
6. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Академический Проект, 2013. – 460 с.
7. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск: Издательство «Водолей», 1998. – 384 с.
8. Blattner W. Heidegger's 'Being and Time': A Reader's Guide / W. Blattner. – London: A&C Black, 2007. – 244 pp.
9. Dreyfus H.L. Being-in-the-world: A Commentary on Heidegger's Being and Time, División I / H.L. Dreyfus. – MIT Press, 1991. – 384 pp.
10. Engelmann P. Letters from Ludwig Wittgenstein / P. Engelmann. – New York: Horizon Press, 1967. – 174 pp.
11. Heidegger M. Time and being / M. Heidegger / Translated by J. Macquarrie and E. Robinson. – London: Blackwell Publishing, 1962. – 590 pp.
12. Oberst J.L. Heidegger on Language and Death: The Intrinsic Connection in Human Existence / J.L. Oberst. – London: A&C Black, 2011. – 238 pp.
13. Schatzki T.R. Early Heidegger on Sociality // A companion to Heidegger / T.R. Schatzki / Edd. by H.L. Dreyfus and M.A. Wrathall. - London: Blackwell Publishing, 2005. – P. 233-248.
14. Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916 / L. Wittgenstein / Ed. G.H. von Wright and G.E.M. Anscombe, tr. G.E.M. Anscombe. – Oxford: Basil Blackwell, 1961. – 140 pp.